Стойкость. Мой год в космосе

Автор:
Скотт Дин

Стойкость. Мой год в космосе

Скотт Келли

Американский астронавт Скотт Келли совершил четыре полета в космос, дважды был членом многодневной американской миссии на Международной космической станции и провел на орбите в общей сложности более 500 суток. О его необычайном опыте много писали в прессе, а теперь есть возможность узнать подробности от него самого. Искренний рассказ о себе, своем детстве, взрослении рисует точный психологический портрет человека, выбирающего путь астронавта, помогает увидеть бесстрашных героев с необычного ракурса и лучше понять их мотивацию и личностные особенности. Келли открывает неповторимый мир покорителей космоса – с повседневным героизмом и нелепыми ситуациями, с романтикой и бытом, с трагедией и юмором, со взлетами и падениями. Воспоминания Келли о жизни на МКС оживляют яркие национальные характеры, показывая слабости и силу членов экипажа – американцев, русских, итальянцев и других. Русскоязычным читателям будет интересен взгляд «с другой стороны» на российскую космонавтику с ее особенностями и опытом, которые подчас шокируют и вызывают уважение американцев.

Скотт Келли

Стойкость. Мой год в космосе

Переводчик Наталья Колпакова

Научный консультант-переводчик, научный редактор кандидат филологических наук Елена Серых Хэнсен

Редактор Юлия Быстрова

Руководитель проекта И. Серёгина

Корректоры М. Ведюшкина, С. Чупахина

Компьютерная верстка А. Фоминов

Арт-директор Ю. Буга

Фото на обложке: Marco Grob/Trunk Archive, NASA/Scott Kelly

Дизайн обложки: Chip Kidd

© Mach 25 LLC, 2017

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2019

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается Амико, разделившей со мной этот путь

Как только преодолена очередная планка, надо готовиться к взятию следующей.

Сэр Эрнест Шеклтон, исследователь Антарктики, капитан корабля «Эндьюранс», 1915 г.

Пролог

Я сижу во главе стола в нашем доме в Хьюстоне. Ужин подходит к концу. Вся семья в сборе: моя давняя спутница жизни Амико, мои дочери Саманта и Шарлотт, мой брат-близнец Марк с женой Гэбби и дочерью Клодией, наш отец Ричи и сын Амико Корбин. Что может быть обыденней, чем ужинать за семейным столом с близкими людьми! Многие даже не осознают того, о чем я мечтал почти год. Столько раз представлял, каково это – есть домашнюю еду, что теперь, когда я наконец здесь, все кажется немного нереальным. Лица любимых, которых я давно не видел, беседа нескольких людей сразу, звон столовых приборов, плеск вина в бокале – я отвык от всего этого. Даже ощущение земного притяжения, удерживающего меня на стуле, кажется незнакомым, и всякий раз, как я опускаю на стол стакан или вилку, я мысленно ищу кусочек ленты-ворсовки велкро или скотча, чтобы их закрепить. Я вернулся на Землю 48 часов назад.

Опираясь на стол, я с усилием поднимаюсь, словно старик из глубокого кресла:

– Проверьте меня вилкой, я спекся!

Все смеются и убеждают меня пойти отдохнуть. Я пускаюсь в путь до спальни – примерно 20 шагов от стула до кровати. На третьем шаге пол как будто кренится подо мной, и я врезаюсь в кашпо. Разумеется, пол не виноват – это вестибулярный аппарат пытается приспособиться к земному притяжению. Я снова привыкаю ходить.

«Первый раз вижу, как ты споткнулся, – замечает Марк. – Ты молодец». Он по собственному опыту знает, что значит вновь оказаться под воздействием гравитации после пребывания в космосе. Проходя мимо Саманты, я кладу ладонь на ее плечо, и она отвечает улыбкой.

Я благополучно добираюсь до спальни и закрываю дверь. Болит каждая клетка. Все суставы и мышцы восстают против сокрушительного воздействия гравитации. Меня подташнивает, но не до рвоты. Я стаскиваю одежду и забираюсь в постель, смакуя ощущения от прикосновения постельного белья, легкого давления одеяла, мягкости подушки. Всего этого мне отчаянно не хватало. Из-за двери доносятся приглушенные голоса счастливых близких – целый год я не слышал их без помех отраженного спутникового сигнала. Я погружаюсь в сон под их умиротворяющие разговоры и смех.

Меня будит проблеск света. Уже утро? Нет, это Амико вошла в спальню. Я проспал всего пару часов, но чувствую себя как в бреду. С трудом удается прийти в себя настолько, чтобы пошевелиться и сказать, как мне плохо. Меня сильно тошнит, лихорадит, боль усиливается. После предыдущего полета такого не было. Сейчас гораздо хуже.

– Амико…

Мой больной голос пугает ее:

– Что с тобой?

Она накрывает мою ладонь своей, трогает лоб. Ее рука кажется холодной, настолько сильный у меня жар.

– Мне плохо, – признаюсь я.

Я четыре раза летал в космос, и дважды она была рядом во время всего процесса, поддерживая меня во всем, – в прошлый раз в 2010–2011-м, когда я провел 159 дней на космической станции. Возвращение на Землю и тогда не прошло бесследно, но ничего похожего на нынешние ощущения я не испытывал.

Я с усилием поднимаюсь. Нащупываю край кровати. Опускаю ноги. Сажусь. Встаю. С каждым движением я как будто продираюсь сквозь зыбучие пески. Когда мне, наконец, удается выпрямиться, боль в ногах становится невыносимой, и на ее пике я замечаю еще более тревожный симптом: вся кровь отливает к ногам. Так кровь приливает к голове, когда делаешь стойку. Я чувствую, как они распухают. Бреду в ванную, с невероятным трудом перенося вес с одной ноги на другую. Левая. Правая. Левая. Правая.

Добравшись до цели, включаю свет и рассматриваю ноги. Это уже и не ноги вовсе, а разбухшие подпорки. Они словно чужие, не мои.

– О черт! Амико, посмотри!

Она опускается на колени, сжимает рукой мою лодыжку, и та сплющивается, будто шарик, наполненный водой. Амико вскидывает на меня полные тревоги глаза:

– Даже кость не прощупывается.

– И кожа горит, – сообщаю я.

Амико лихорадочно осматривает меня. У меня непонятная сыпь по всей спине, а также сзади на ногах, голове и шее – на всех участках, соприкасавшихся с постелью. Прохладные ладони скользят по моей воспаленной коже.

– Похоже на аллергию, – замечает она. – Типа крапивницы.

Воспользовавшись туалетом, я шаркаю обратно в спальню и думаю, как быть. В обычной ситуации я обратился бы за медицинской помощью, но вряд ли в больнице кто-нибудь знаком с симптомами реакции на годичное пребывание в

космосе. Я медленно заползаю в постель и пытаюсь улечься так, чтобы воспаленные места не контактировали с бельем. Амико роется в аптечке и возвращается с двумя таблетками обезболивающего и стаканом воды. Она старается взять себя в руки, а я вижу ее тревогу за меня в каждом движении, каждом вздохе. Мы оба знаем риски полета, на который я согласился. После шести лет совместной жизни я понимаю ее как самого себя и слова не нужны.

Я пытаюсь заставить себя уснуть в мыслях о том, страдает ли от отечности ног и болезненной сыпи мой друг Михаил Корниенко – мы с Мишей провели почти год в космосе, сейчас он дома в Москве. Думаю, с ним творится то же самое. Собственно, для этого мы и вызвались участвовать в эксперименте – чтобы узнать, как влияет на человека длительный космический полет. Ученые будут исследовать наши с Мишей данные до конца наших дней и даже дольше. Космические агентства не смогут отправить человека, например, на Марс, пока мы не укрепим самое слабое звено в цепочке, от которого зависит дальность космических полетов, – тело и разум человека. Меня часто спрашивают, почему я вызвался участвовать в этой программе, зная обо всех опасностях – при запуске, при выходе в открытый космос, при возвращении на Землю и в каждое мгновение жизни в металлическом контейнере, летящем по земной орбите со скоростью 28 000 километров в час. У меня есть несколько ответов на этот вопрос, но ни одного исчерпывающего.

В детстве меня преследовало удивительное видение.

Я словно заключен в крохотное помещение, где едва хватает места, чтобы лечь. Откуда-то я знаю, что долго пролежу здесь, свернувшись в клубочек. Выйти невозможно, но меня это не тревожит, – я чувствую, что располагаю всем необходимым. Нечто в этом тесном пространстве, ощущение, что я решаю сложную задачу, просто обитая в нем, нравится мне. Я на своем месте.

Как-то поздним вечером, когда мне было пять лет, родители растолкали нас с Марком, увлекли в гостиную к телевизору и объяснили, что расплывчатые серые пятна на экране – это люди, идущие по Луне. Помню, как слушал искаженный помехами голос Нила Армстронга и пытался осмыслить его слова о том, что он сейчас находится на сияющем диске, висящем в летнем ночном небе над Нью-Джерси за моим окном. Просмотр трансляции прилунения астронавтов наградил меня странным и страшным сном: будто бы я готовлюсь опуститься в ракете на Луну, но не сижу в кресле в полной безопасности, а вишу, притянутый ремнями,

в носовой части, прижавшись спиной к головному обтекателю и глядя прямо в небеса. Луна надвигается, грозно разверзаются гигантские кратеры. Я жду обратного отсчета и знаю, что вряд ли переживу момент включения двигателя. Всякий раз я просыпался, потный и перепуганный до смерти, за секунду до того, как двигатели ударят в небо огненными струями.

В детстве я жаждал опасности, и не по безрассудству, а потому, что все прочее навевало скуку. Я спрыгивал, откуда возможно, забирался, куда возможно, заключал пари с мальчишками, катался на коньках и съезжал с горки, плавал и переворачивался на лодках, порой рискуя жизнью. В шесть лет мы с Марком начали лазать по водосточным трубам и наблюдать за родителями с крыши на высоте двух-трех этажей. Вся наша жизнь состояла из преодоления трудностей. Безопасные, заведомо выполнимые задачи и занятия казались пустой тратой времени. Меня бесила способность некоторых сверстников спокойно сидеть весь учебный день, просто дыша и моргая, без настоятельной потребности вырваться на волю и исследовать мир, делать что-то новое, рисковать. Что творилось у них в головах? Разве можно изведать в классе нечто, хотя бы отдаленно напоминающее ощущения человека, летящего по склону холма на неуправляемом велосипеде?

Я был никудышным учеником, вечно глазеющим в окно или на часы в ожидании конца уроков. Учителя сначала ругали меня, потом стали наказывать и, наконец, игнорировать. Родители, офицер полиции и секретарша безуспешно пытались призвать нас с братом к порядку. Бо?льшую часть времени – после школы, до возвращения родителей с работы и утром в выходные дни, когда они отсыпались, – мы были предоставлены самим себе и вольны делать все, что захочется, а хотелось нам риска.

В старших классах я впервые занялся тем, что удавалось мне и одобрялось взрослыми, – стал специалистом-техником скорой помощи. Я пришел на медицинско-технические курсы, и оказалось, что мне хватает терпения, чтобы сидеть и учиться. Начав волонтером, я за несколько недель дорос до работы с полной занятостью и всю ночь проводил в машине скорой, не зная, с чем столкнусь в следующий раз: с огнестрельным ранением, сердечным приступом или переломом. Как-то раз я принял роды в социальном жилье: убогая постель с застиранными простынями, болтающаяся под потолком голая лампочка, гора грязной посуды в раковине. Головокружительное ощущение опасности в ситуациях, когда можно полагаться только на себя, опьяняло меня. Я решал вопросы жизни и смерти вместо изучения скучных – и, на мой взгляд,

бессмысленных – школьных предметов. По утрам я часто ехал домой и ложился спать, вместо того чтобы идти в школу.

Школу я все-таки сумел кое-как окончить и начал посещать единственный колледж, куда меня взяли (не тот, в который собирался подать документы, что ярко характеризует мою способность к сосредоточению). Учеба в нем интересовала меня не больше, чем в старших классах, а для развлечений типа «спрыгнуть с крыши сарая» я стал староват. Место рискованных затей заняли вечеринки, но удовольствие было не то. Когда взрослые спросили, кем я хочу стать, я ответил: «Врачом». Записался на подготовительные курсы при медицинском колледже, но меня выгнали после первого семестра. Я просто тянул время, понимая, что пора чем-то заняться, а я понятия не имел чем.

Однажды я зашел в книжный магазин кампуса купить что-нибудь поесть – кроме литературы, там продавали сэндвичи. Одна книга приковала мое внимание. Казалось, слова на ее обложке ведут меня прямиком в будущее. «Парни что надо» – вот как она называлась. Я не был книгочеем – если в школе задавали что-нибудь прочитать, разве что пролистывал книгу, отчаянно скучая. Иногда заглядывал в хрестоматию и запоминал ровно столько, чтобы сдать тест, а иногда не утруждал себя и этим. В общем, редко я брал в руки книгу по своей воле, но эта чем-то меня привлекла.

Первая же строчка перенесла меня в зловоние дымящегося поля на авиационной базе ВМФ в Джексонвилле, где только что погиб, обгорев до неузнаваемости, молодой летчик-испытатель. Его самолет врезался в дерево, и «голова от удара треснула, как арбуз». Настолько захватывающего чтения мне прежде не попадалось. Происходящее казалось близким и знакомым, хотя я не понимал почему.

Я купил книгу и остаток дня провалялся в кровати в общежитии, читая с колотящимся сердцем, захваченный бешеной энергией текста Тома Вулфа. Меня покорило жизнеописание военных летчиков-испытателей, молодых асов, катапультирующихся из кабин самолетов, тестирующих недоработанные машины, налегающих на выпивку, – в общем, отчаянных сорвиголов.

Это братство опиралось на убеждение, что человек способен устремиться ввысь в грохочущей железяке, поставив на кон свою шкуру, и что в последний миг ему

хватит дерзости, быстроты реакции, опыта, хладнокровия вернуть аппарат на землю – и снова взлететь на следующий день, и в каждый из дней, даже если череда полетов окажется бесконечной, все равно совершаются они ради цели, значимой для тысяч людей, для народа, государства, человечества, Бога.

Это был не просто интересный приключенческий роман, а руководство, рассказывающее, как прожить жизнь. Эти парни, летавшие на боевых реактивных самолетах, делали реальное дело в реальном мире. Некоторые стали астронавтами – это тоже реальное дело. Я понимал, что попасть на такую работу трудно, но кому-то удалось! Значит, это возможно. Меня в военных летчиках привлекло не то, что они «крутые», не особые качества, отличавшие эту горстку храбрецов. Меня манило преодоление невероятных трудностей, когда ты рискуешь жизнью и побеждаешь смерть, как в ночное дежурство на скорой помощи, если бы она перемещалась со скоростью звука. Взрослые, побуждавшие меня стать медиком, считали, что я хочу работать на скорой потому, что мне нравится мерить давление и фиксировать переломы, но меня в этой работе заводил азарт, борьба, неизведанное. В книге я нашел то, что и не чаял найти, – цель всей жизни. Поздним вечером я закрыл книгу другим человеком.

В последующие десятилетия меня многократно спрашивали, как начался мой путь в космос, и я отвечал – почти честно, – что в детстве увидел трансляцию высадки на Луну или запуск первого шаттла, но никогда не рассказывал о 18-летнем мальчишке в душной комнатенке общежития, зачарованном тугим, как сжатые пружины, повествованием о давно ушедших из жизни летчиках. Это и было начало.

В отряде подготовки астронавтов я от многих коллег слышал воспоминания из раннего детства, похожие на мои. О том, как они спустились в пижаме в гостиную, чтобы увидеть по телевизору высадку человека на Луну. Именно тогда большинство из них и решили когда-нибудь полететь в космос. В те времена нам обещали, что к 1975 г., к моему 11-летию, американцы побывают на Марсе. Мы отправили человека на Луну и теперь для нас все возможно! Затем НАСА лишилось большей части финансирования, и мечты о космосе с годами поблекли. Тем не менее нашему отряду была обещана роль первопроходцев в полете на Марс, о чем свидетельствовали даже шевроны на летных куртках: маленькая красная планета восходит над Луной и Землей. С тех пор НАСА

приняло участие в сборке Международной космической станции – самом трудном предприятии в истории человечества. Слетать на Марс и обратно будет еще труднее, и я провел в космосе год – больше времени, чем займет полет к Марсу, – чтобы ответить на часть вопросов о том, как выжить в таком путешествии.

Как и в юные годы, риск – мой образ жизни. В моих детских воспоминаниях царят неподвластные человеку законы физики, стремление подняться выше, еще выше, бросить вызов гравитации. Астронавта подобные воспоминания, с одной стороны, тревожат, с другой – успокаивают. Всякий раз, рискуя собой, я выживал и возвращался. Всякий раз, подставив себя под удар, выходил сухим из воды.

В течение года на МКС я часто размышлял о том, как много значили для меня «Парни что надо», и решил позвонить Тому Вулф – наверняка ему будет приятно ответить на звонок из космоса. Мы многое обсудили, в том числе я поинтересовался, как он пишет книги. Как мне подступиться к этому делу, как облечь все пережитое в слова?

«Начните с начала», – ответил он. Так я и сделал.

СХЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОСМИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

1. Грузовой корабль Dragon (SpX–6). Апрель-май 2015 г. SpaceX. США

2. Экспериментальный модуль «Кибо». Япония

3. Лабораторный модуль («Лэб», «Дестини»). США

4. Интегрированная ферменная конструкция. США

5. Герметичный многофункциональный модуль (РММ). США

6. Жилой модуль «Транквилити» («Ноуд-3»). США

7. «Союз» (ТМА-17М). Июль – декабрь 2015 г. Россия

8. Грузовой корабль «Прогресс» (62П). Декабрь 2015 г. – июль 2016 г. Россия

9. Узловой модуль «Хармони» («Ноуд-2»). США

10. Лабораторный модуль «Коламбус». Европа

11. Узловой модуль «Юнити» («Ноуд-1»). США

12. Шлюзовой отсек «Квест». США

13. Функционально-грузовой блок «Заря». Россия

14. «Союз» (ТМА-16М). Март – сентябрь 2015 г. Россия

15. Солнечные батареи (8). США

16. Радиаторы (2 шт). США

17. Союз (ТМА-18М). Июль – декабрь 2015 г. Россия

18. Малый исследовательский модуль «Поиск» (МИМ-2). Россия

19. Служебный модуль «Звезда». Россия

20. Малый исследовательский модуль «Рассвет» (МИМ-1). Россия

21. Стыковочный отсек «Пирс». Россия

22. Грузовой корабль «Прогресс» (61П). Октябрь 2015 г. – март 2016 г. Россия

23. Грузовой корабль «Прогресс» (60П). Июль – декабрь 2015 г. Россия

24. «Союз» (ТМА-19М). Декабрь 2015 г. – июнь 2016 г. Россия

25. Грузовой корабль Cygnus (OA-4). Декабрь 2015 г. – февраль 2016 г. Orbital ATK. США

26. Обзорный модуль «Купола». США/Европа

27. Грузовой корабль HTV (HTV-5). Август-сентябрь 2015 г. Япония

Глава 1

20 февраля 2015 г.

Чтобы покинуть Землю, нужно забраться на край земли. С 2011 г., когда программа «Спейс-шаттл» была свернута, доставить нас в космос могут только русские, и путешествие приходится начинать с космодрома Байконур в безводных степях Казахстана. Сначала я отправляюсь из Хьюстона в Москву – привычный 11-часовой перелет, – а оттуда в микроавтобусе в Звездный Городок – 70 км и от одного до четырех часов, в зависимости от московских пробок. Это российский аналог Космического центра имени Джонсона (КЦД), здесь уже 40 лет тренируются космонавты (в последние годы и астронавты, которым предстоит лететь в космос вместе с ними).

Звездный – небольшой город с собственными мэрией и церковью, музеями и жилыми кварталами. Здесь установлена гигантская статуя Юрия Гагарина – человека, совершившего в 1961 г. первый космический полет. Простой и непритязательный, выполненный по канонам соцреализма памятник изображает космонавта шагающим с букетом цветов за спиной. Несколько лет назад Роскосмос построил специально для нас, американцев, линию таунхаусов, жить в которых – все равно что в декорациях к фильму, воплощающему русские стереотипы о нас. Огромные холодильники, огромные телевизоры, но все словно ненастоящее. Я провел в Звездном Городке много времени, в том числе в качестве представителя КЦД, но мне там до сих пор неуютно, особенно в разгар жестокой русской зимы. После первых недель подготовки меня охватило желание вернуться в Хьюстон.

Из Звездного Городка мы совершили 2560-километровый перелет на Байконур, в прошлом секретный стартовый комплекс советской космической программы. Отныне словом «глухомань» я называю исключительно Байконур. Космодром был построен в деревне, именовавшейся Тюратам в честь потомка Чингисхана, но в целях конспирации назывался Байконуром, как и поселок, находящийся в нескольких сотнях километров. Теперь Байконуром называют только космодром. В прошлом Советы называли свой стартовый комплекс Звездным Городком, чтобы еще больше запутать Соединенные Штаты. Мне, американцу, выросшему и выучившемуся на военного летчика на излете холодной войны, странно сознавать, что я приглашен в самое сердце бывшей советской космической программы и скоро узнаю ее секреты. В настоящее время в Байконуре живут главным образом казахи, потомки тюркских и монгольских кочевников, а этнические русские, оставшиеся здесь после распада Советского Союза, составляют меньшинство. Технические объекты Россия арендует у Казахстана. Российский рубль – основная валюта, на всех транспортных средствах российские номера.

С высоты кажется, что сооружения Байконура случайным образом разбросаны по сухой степи. В уродливых бетонных зданиях чудовищно жарко летом и немилосердно холодно зимой, между ними ржавеют горы брошенной техники. В тени аэрокосмического оборудования клянчат еду стаи бродячих собак и дикие верблюды. Эта бесприютная суровая местность для большей части мира – единственный действующий космодром для пилотируемых запусков.

Я прилетаю на Байконур на борту Ту-134, старого российского военного транспортника. Возможно, когда-то этот самолет был оборудован бомбодержателями и в час испытаний мог поработать бомбардировщиком, то есть являлся частью арсенала, созданного Советами для нападения на мою страну. Теперь он возит международные экипажи космических путешественников – русских, американцев, европейцев, японцев и канадцев. Мы, бывшие враги, стали членами одной команды на пути к космической станции, которую построили вместе.

Носовая часть салона отведена основному экипажу (двое моих русских товарищей и я) и нескольким высокопоставленным лицам. Временами я направляюсь в хвост, где сидел во время прежних рейсов на Байконур. Все начали пить с самого утра, сразу после вылета из Звездного Городка, и сейчас в хвосте у русского обслуживающего персонала веселье в полном разгаре. Русские никогда не пьют без закуски: к водке и коньяку предлагаются помидоры, сыр,

сосиски, маринованные огурцы, тонкие ломти соленой вяленой рыбы и соленого свиного жира, который называется сало. В первую поездку в Казахстан в 2000-м, когда я пробирался через празднующую в хвосте компанию к уборной, меня остановили и заставили стопками пить самогон, русский крепкий алкоголь кустарного производства. Пьяные техники шатались от турбулентности и спирта, проливая выпивку на себя и на пол самолета. При этом все курили сигарету за сигаретой. Счастье, что мы добрались до Казахстана, не превратившись в гигантский огненный шар из самогона и авиационного керосина!

Сегодня тоже все крепко пьют, и мы порядком набираемся к моменту, когда самолет вываливается из облаков над плоской ледяной пустыней и касается единственной в Байконуре посадочной полосы. Мы выползаем наружу, моргая от холода, и видим группу встречающих – официальных лиц из Роскосмоса (Российского космического агентства) и «Энергии», компании, строящей космические корабли «Союз», один из которых доставит нас на орбиту для стыковки с Международной космической станцией. Здесь же мэр Байконура и другие местные шишки. Мой русский товарищ по экипажу Геннадий Падалка делает широкий шаг вперед и чеканит, пока остальные изображают внимание: «Мы готовы к следующим шагам нашей подготовки».

Это ритуал, один из множества в сфере космических полетов. У нас, американцев, тоже есть знаковые моменты на аналогичных этапах предстартовой подготовки. Между ритуалом и суеверием пролегает тонкая граница, а в таком опасном для жизни деле, как полеты в космос, суеверия помогают даже неверующим.

На краю взлетной полосы мы замечаем необычную, но приятную картину – группу казахских детей, маленьких послов с края Земли: круглощеких, черноволосых, с преобладанием азиатских черт, в яркой пыльной одежде и с воздушными шариками. Русский врач рекомендует нам держаться от них подальше: есть подозрения, что в этом районе эпидемия кори, а если один из нас заразится, последствия будут серьезные. Нам всем сделаны прививки, но русские врачи экипажей очень осторожны: никто не должен улететь в космос с корью. Обычно мы слушаемся врача, тем более что в его власти отстранить нас от полета, но сейчас Геннадий решительно выходит из ряда.

«Нужно поздороваться с детьми», – твердо говорит он по-английски.

Я знаком с Геннадием и третьим членом экипажа Михаилом Корниенко (Мишей) с конца 1990-х, когда начал ездить в Россию для работы над совместной программой двух стран по созданию космической станции. У Геннадия шапка седых волос и острый, все подмечающий взгляд. Ему 56, он командир нашего «Союза». Это прирожденный лидер, умеющий решительно отдать приказ, когда это необходимо, и внимательно выслушать, если вам есть что сказать. Я доверяю ему безоговорочно. Однажды в Москве, возле Кремля, я видел, как он отделился от группы космонавтов, чтобы отдать дань уважения месту, где был убит оппозиционный политик, возможно, приближенными Владимира Путина. Для космонавта, государственного служащего, это был рискованный поступок. Другие русские в нашей компании, как мне показалось, не хотели даже говорить об этом убийстве, но не Геннадий.

54-летний Миша, который станет моим спутником на целый год, совсем другой – простой, спокойный и задумчивый. Отец Миши, пилот военного вертолета, служил в отряде поиска и спасения космонавтов и разбился, когда сыну было всего пять лет. Страшная потеря лишь укрепила мечту Миши полететь в космос. Отслужив в воздушно-десантных войсках, он хотел в дальнейшем получить диплом в Московском авиационном институте, чтобы стать бортинженером. Но поступить туда было сложно, особенно если ты не проживал в Московской области. Поэтому Миша пошел служить в московскую милицию, чтобы получить прописку и льготы для поступления в институт. В 1998 г. прошел отбор в отряд космонавтов.

В голубых глазах Миши ясно читаешь, что для него нет ничего важнее, чем услышать и понять тебя. Он более открыт, чем другие знакомые мне русские. Будь он американцем, я бы сравнил его с хиппи из Вермонта в неизменных биркенштоках.

Мы подходим к казахским детям, здороваемся с ними, обмениваемся рукопожатиями и принимаем букеты, возможно кишащие возбудителями кори. Геннадий увлеченно болтает с детьми, лицо озаряет его знаменитая улыбка.

Вся компания – основной и дублирующий экипажи, а также обслуживающий персонал – грузится в два автобуса и едет на карантинную базу, где мы проведем следующие две недели. (Основной и дублирующий экипажи всегда путешествуют отдельно по той же причине, что и президент с вице-президентом.) Пока мы размещаемся, Геннадий шутки ради усаживается на место водителя, и все мы фотографируем его на телефоны. Много лет назад

команды приезжали на Байконур, проводили здесь день за проверкой космического корабля «Союз» и возвращались в Звездный Городок на две недели в ожидании старта. Теперь в целях экономии количество перелетов сведено к одному, и нам придется остаться здесь. Я сажусь у окна, вставляю в уши наушники и прислоняюсь головой к стеклу в надежде подремать в пути на карантинную базу, больше похожую на отель. Дорога в ужасном состоянии – всегда была такой и становится все хуже: асфальт сплошь в рытвинах и заплатах, я бьюсь головой о стекло, что не способствует сну.

Мы минуем обветшавшие жилые комплексы советской эпохи, громадные заржавленные спутниковые тарелки, поддерживающие связь с российским космическим кораблем, горы мусора, одинокого верблюда. День ясный, солнечный. Проезжаем байконурский памятник Юрию Гагарину – здесь он изображен с поднятыми руками, и в этом жесте не триумф, как у гимнаста после безупречного завершения элемента, а чистая радость ребенка, готового сделать кувырок. Он улыбается.

Далеко на горизонте пусковая вышка поднимается над обветшалой бетонной площадкой, с которой Юрий впервые в истории оторвался от Земли, чтобы устремиться в космос. Отсюда покидал Землю практически каждый российский космонавт, а через две недели улечу и я. Иногда мне кажется, что русские уделяют больше внимания традициям, чем внешнему виду или функциональности. Этот стартовый стол, который они называют «гагаринским стартом», пропитался прошлыми успехами, и они не собираются его менять.

Наш с Мишей полет – год на МКС – беспрецедентен. Стандартная экспедиция на космическую станцию длится от пяти до шести месяцев, и ученые накопили достаточно данных о том, что происходит с телом человека в космосе за это время. О том, как развиваются события после шестого месяца, почти ничего не известно. Скажем, симптомы могут резко обостриться на девятом месяце или, наоборот, сойти на нет. Существует лишь один способ это выяснить.

Я и Миша будем снимать с себя разнообразные данные для исследований, уделяя этому существенную часть времени. Поскольку мы с Марком однояйцовые близнецы, я участвую в еще одном объемном исследовании: в течение года нас с братом будут сравнивать по разным параметрам вплоть до генетического уровня. Международная космическая станция – это орбитальная лаборатория мирового класса, и, помимо исследования человеческого организма, одним из главных объектов которого я стану, мне за этот год

предстоит посвятить много времени другим экспериментам, в частности из области физики жидкостей, ботаники, окисления органических веществ и наблюдения Земли.

Рассказывая слушателям о Международной космической станции, я неизменно подчеркиваю значимость научной деятельности, которая там ведется. Для меня, однако, столь же важно, что станция является плацдармом нашего биологического вида в космосе. Там мы можем узнать, как проникнуть глубже в космос. Затраты высоки, как и риски.

В течение предыдущей экспедиции на станцию продолжительностью в 159 дней я потерял костную массу, у меня атрофировались мышцы, а кровь перераспределилась в теле, так что стенки сердца деформировались и усохли. Более того, возникли проблемы со зрением, как у многих астронавтов. Я получил дозу радиации, в 30 раз превышающую земную норму, как если бы делал десять рентгеновских снимков грудной клетки ежедневно. Это увеличило для меня риск заболеть смертельной формой рака. Но все перечисленное меркнет по сравнению с главным риском: что с кем-то из любимых случится беда, пока я нахожусь в космосе без какой бы то ни было возможности вернуться домой.

Глядя в окно на причудливый байконурский пейзаж, я понимаю, что за все время, проведенное здесь, – целые недели – фактически ни разу не видел самого города. Я бывал только в особых местах по служебной необходимости: в ангарах, где инженеры и техники готовят к полету наш космический корабль и ракету, в залитых флуоресцентным светом комнатах без окон, где мы облачаемся в скафандры «Сокол», в зданиях, где располагаются наши инструкторы, переводчики, врачи, повара, управленцы и другой обслуживающий персонал, а также в ближайшем доме, где мы живем, – американцы любовно именуют его «дворцом Саддама». В этой пышной резиденции, построенной для главы Российского космического агентства, его сотрудников и гостей, разрешено селиться членам экипажей во время пребывания на Байконуре. Это место приятнее других построек и несравненно комфортнее спартанских помещений в офисном здании Космического центра имени Кеннеди во Флориде, где астронавты шаттлов когда-то отбывали карантин. Во «дворце Саддама» хрустальные люстры, мраморные полы и у каждого четырехкомнатный номер с джакузи. В здании имеется баня, русская сауна с холодным бассейном, куда можно нырнуть после парной. В начале двухнедельного карантина я заглянул в баню, где голый Миша хлестал голого Геннадия пучком березовых веток. Увидев это зрелище впервые, я несколько оторопел, но, как только сам попарился в

бане, окунулся в холодную как лед купель и затем выпил домашнего русского пива, оценил ее в полной мере.

Есть во «дворце Саддама» и обширная столовая с отглаженными белыми скатертями, тонким фарфором и плазменными телевизорами на стенах, где вечно крутят старые советские фильмы, видимо любимые космонавтами. Русская еда хороша, но американцам через какое-то время она может поднадоесть – борщ почти каждый день, мясо с картофелем, другое мясо с картофелем, все засыпано тоннами укропа.

– Геннадий, – завожу я речь за обедом через несколько дней после заселения, – зачем столько укропа?

– А что? – спрашивает он.

– Вы суете укроп во все. Некоторые блюда были бы очень вкусными, если бы не тонули в укропе.

– А, ясно. – Геннадий кивает, на его лице проступает характерная улыбка. – Это оттого, что русский стол состоит главным образом из картошки, капусты и водки. Укроп избавляет от газов.

Потом я погуглил – так и есть! Замечу, очень разумно избавиться от газов перед тем, как оказаться запертыми на много часов в крохотной железной банке вплотную друг к другу, так что я перестал сетовать на обилие укропа.

На следующий день после прибытия на Байконур у нас была первая «примерка». Для нас это возможность оказаться внутри спускаемого аппарата «Союз», пока он еще в ангаре, не соединенный с ракетой-носителем, которая выведет нас в космос. В огромном, как пещера, ангаре, известном под названием «здание 254», мы надеваем скафандры «Сокол». Это невероятно трудоемкий процесс. Единственный «вход» в скафандр находится на груди: нужно вползти ногами вперед через эту нагрудную дыру, с усилием протолкнуть руки в рукава, вслепую нашарить головой разъемное кольцо. Для меня этот процесс часто заканчивается царапинами на макушке. В данном случае отсутствие волос – это минус. Затем входное отверстие герметически закрывается, причем этот процесс поражает примитивностью: края материала складываются гармошкой и

скрепляются эластичной тесьмой. Знакомясь с этой системой, я не мог поверить, что какие-то резинки станут нашей единственной защитой в космосе. Когда я оказался на космической станции, то узнал, что точно такими же резиновыми лентами русские в космосе стягивают горловины мешков для мусора. С одной стороны, меня это насмешило, с другой – я оценил прагматизм русских в отношении технологии. Зачем менять то, что работает?

«Сокол» конструировался как спасательный скафандр, его единственная функция – уберечь нас в случае пожара или разгерметизации «Союза». В ходе полета я пользовался при выходах в открытый космос другим скафандром, намного более солидным и технологичным, – своего рода маленьким космическим кораблем. Скафандр «Сокол» имеет то же назначение, что и оранжевый скафандр разработки НАСА, в котором я летал на шаттле. НАСА представило этот скафандр только после катастрофы «Челленджера» в 1986 г.; прежде астронавты обходились обычными комбинезонами из ткани, как и русские до аварии 1971-го, когда в результате разгерметизации погибли три космонавта. С тех пор космонавты (равно как и астронавты, летящие вместе с ними в «Союзе») должны быть в скафандрах «Сокол». Странное чувство вызывают эти свидетельства трагедий – запоздалые усовершенствования, которые могли бы спасти астронавтов и космонавтов, рисковавших так же, как рискуем мы, но проигравших.

Сегодня у нас нечто вроде генеральной репетиции: мы облачаемся в скафандры, их проверяют на герметичность, затем нас пристегивают привязными ремнями в персональных креслах, выполненных по гипсовым отливкам с наших тел. Это нужно не для нашего удобства, которому русские не придают особого значения, а в целях безопасности и экономии места: незачем делать сиденье просторнее минимально необходимого. Кресла, изготовленные по индивидуальным размерам, поддержат наши позвоночники и примут на себя часть удара при жесткой посадке на Землю через год после старта.

Несмотря на все время, проведенное в макетах «Союза» в Звездном Городке, я изумляюсь тому, как трудно втиснуться в кресло, когда на тебе скафандр. Всякий раз я сомневаюсь, что помещусь, и всякий раз помещаюсь. Еле-еле. Приподнявшись в ложементе, я бы ударился головой о стену. Интересно, каково более рослым коллегам? Пристегнувшись с помощью привязной системы, мы тренируемся пользоваться оборудованием, дотягиваться до кнопок, считывать показания с экранов, брать свои планшеты. Мы обсуждаем, что хотели бы подогнать под себя, вплоть до деталей, например, где предпочитаем разместить

таймеры (для хронометража работы двигателя), карандаши и кусочки ленты-ворсовки велкро, чтобы закрепить предметы, когда окажемся в космосе.

Закончив, мы выбираемся из люка и осматриваем пыльный ангар. Вон очередной грузовой корабль «Прогресс», очень похожий на «Союз», поскольку русские не станут создавать две конструкции, если годится одна. Через несколько месяцев «Прогресс» доставит нам на МКС оборудование, снаряжение для экспериментов, запасы продовольствия, кислород и подарки из дома. В июле стартует «Союз» с новым экипажем из трех человек. Где-то в этом ангаре собирается из деталей следующий «Союз», за ним еще один и так далее. Русские начали запускать «Союзы», когда мне было три года.

Космический корабль «Союз» (Soyuz – то же слово, что в названии страны «Советский Союз») предназначен для маневрирования в космосе, стыковки со станцией и сохранения жизни людей, а ракета-носитель – это «рабочая лошадка», придуманная человечеством, чтобы вырваться из-под власти земной гравитации. Ракеты (по непонятной причине также называемые «Союзами») готовят к запуску в зоне сборки и проверки напротив ангара – на площадке № 112. Мы с Геннадием и Мишей переходим дорогу, минуем группу российских журналистов и в очередном громадном, как пещера, здании оказываемся рядом с нашей ракетой. Серая, как оружейный металл, она лежит на боку. В отличие от шаттла и его предшественницы, колоссальной связки «Аполлон – Сатурн», космический корабль и носитель «Союз» соединяются в горизонтальном положении и в нем же выкатываются на стартовый стол. Лишь там за пару дней до запуска их поднимут и установят вертикально, в направлении на цель. Это очередной пример различия подходов русских и американцев. Данная процедура не столь парадна, как у НАСА, когда на старт торжественно выдвигается вертикальная громада, закрепленная на могучем гусеничном транспортере.

При длине 49,5 м эта ракета, «Союз-ФГ», заметно меньше шаттла в сборе, но и ее размеры впечатляют. Мы надеемся, что этот гигант высотой с многоэтажный дом оторвется от Земли, унося нас со скоростью, в 25 раз превышающей скорость звука. Темно-серый листовой металл ее корпуса в грубых заклепках выглядит непривлекательно, но его функциональность внушает уверенность. «Союз-ФГ» – «внучка» советской «Р-7», первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты. «Р-7» была создана во время холодной войны для доставки ядерных зарядов к целям в Америке, и я не могу забыть свое детское восприятие: Нью-Йорк и мой родной пригород Уэст-Оринджв Нью-Джерси неизбежно одними из первых будут атакованы и сметены с лица земли при

ударе Советов. Сегодня я стою с двумя русскими в их некогда секретном здании, и мы собираемся доверить друг другу свои жизни, отправляясь в космос на бывшем оружии уничтожения.

Все мы – Геннадий, Миша и я – были военнослужащими, прежде чем пройти отбор для космических полетов, и, хотя это никогда не обсуждается, мы знаем, что могли бы получить приказ уничтожить друг друга. Теперь мы участвуем в крупнейшей в истории программе мирного сотрудничества. Когда меня спрашивают, стоит ли космическая станция денег, которые на нее тратятся, я всегда на это указываю. Двое бывших непримиримых врагов переделывают оружие в транспортное средство для исследований и развития науки – сколько это стоит? Враждовавшие страны превращают своих воинов в членов одного экипажа и друзей на всю жизнь – а это сколько? В деньгах не оценишь, но, на мой взгляд, данное обстоятельство окупает любые затраты на проект и даже смертельный риск для нас.

История МКС началась в 1984 г., когда президент Рейган в ежегодном обращении к конгрессу объявил, что НАСА разрабатывает проект космической станции «Фридом», которую планирует вывести на орбиту в течение 10 лет. Поскольку проект многократно урезался и перекраивался из-за сопротивления конгресса, «Фридом» так и не приблизилась к этапу реального строительства, и в 1993-м президент Клинтон сообщил о ее объединении с проектируемой станцией Российского космического агентства «Мир-2. К проекту подключились космические агентства Европы, Японии и Канады, составив международную коалицию из 15 стран. Потребовалось более ста запусков для вывода всех компонентов на орбиту и свыше сотни выходов в открытый космос, чтобы собрать их на орбите. МКС – впечатляющий результат технологического развития и международного сотрудничества. На ней постоянно живут люди с 2 ноября 2000 г. – иначе говоря, уже 14 лет Земля не является единственным местом обитания всего человечества. МКС с большим отрывом возглавляет список самых длительно эксплуатируемых обитаемых объектов в космосе, на ней побывали 200 с лишним человек из 16 стран. Это крупнейший международный проект после Второй мировой войны.

В последнее утро на Земле я просыпаюсь около семи и провожу ранние часы за разбором чемоданов: один будет встречать меня в Казахстане, остальные вернутся в Хьюстон. Удивительно, чем забита голова! Что мне понадобится сразу после приземления? А что не сразу? Не забыл ли я записать номера кредитки и

счета для оплаты коммунальных услуг? Непросто все это утрясти, но нужно убедиться, что я не просрочу выплаты по ипотеке и смогу купить подарки Амико и дочкам, когда буду в космосе.

Последний завтрак на Земле представляет собой байконурский эксперимент в области американской кулинарии: яйца «в мешочек» (поскольку мне так и не удалось объяснить казахскому повару, что значит «глазунья средней прожарки»), тост и «сосиски к завтраку» (в действительности хот-доги, разогретые в микроволновке). Сборы в день старта длятся намного дольше, чем можно предположить, – это относится ко многим сторонам космических полетов. Я напоследок захожу в баню расслабиться, затем делаю предполетную клизму – в космосе кишечник поначалу перестает функционировать, и русские рекомендуют заранее освободиться от всего лишнего. Космонавтам эту процедуру проводят их врачи с помощью теплой воды и резиновой груши, я же предпочитаю приобрести все нужное в аптеке и действовать в уединении, чтобы ничем не омрачать дружбу с моим врачом. Теперь можно поблаженствовать в джакузи и вздремнуть, поскольку наш запуск назначен на 1:42 ночи по местному времени. Проснувшись, я не торопясь принимаю душ. Я знаю, как мне будет не хватать контакта с водой весь предстоящий год.

Русский врач экипажа, которого мы зовем Доктор Нет, заглядывает вскоре после того, как я выхожу из душа. Прозвище он получил потому, что именно от него зависит, смогут ли близкие навестить нас в карантине. Его решения деспотичны, порой злонамеренны и бесповоротны. Сейчас его задача – обтереть нас с головы до ног спиртовыми салфетками. Это спиртование, изначально предназначенное для истребления микробов, пытающихся прокатиться «зайцами» на телах космических путешественников, превратилось в очередной ритуал. Подняв бокал шампанского за удачу вместе с верхушкой руководства и другими важными лицами, мы минуту сидим в тишине по русской традиции перед дальней дорогой. Когда мы выйдем из здания, русский православный священник благословит нас и брызнет святой водой в лицо. Каждый космонавт проходит все эти шаги, пройдем и мы. Я не религиозен, но всегда говорю, что, если вы готовитесь улететь в космос, благословение не помешает.

Мы совершаем ритуальное шествие мимо журналистов под традиционное музыкальное сопровождение – русскую песню «Трава у дома». В ней поется о том, как космонавты тоскуют по родному дому, а звучит она, как если бы советский военный оркестр заиграл на карнавале:

И снится нам не рокот космодрома,

Не эта ледяная синева,

А снится нам трава, трава у дома –

Зеленая, зеленая трава.

Мы садимся в автобус, который отвезет нас в здание, где надевают скафандры. Как только двери автобуса закрываются, веревку, удерживающую толпу провожающих, перерезают, и все кидаются к нему. Царит хаос, в котором я сначала не могу разглядеть своих родных, но наконец вижу их в первом ряду: Амико, Саманту, Шарлотт и Марка. Кто-то поднимает 11-летнюю Шарлотт, чтобы она могла прижать ладони к окну автобуса, и я прикладываю к ним свои через стекло, пытаясь выглядеть счастливым. Шарлотт улыбается во всю круглую белокожую мордаху. Если она и грустит из-за того, что не увидит меня целый год, боится смотреть, как я покидаю Землю в почти неуправляемой бомбе, знает, со сколькими опасностями я должен буду столкнуться, прежде чем смогу вновь ее обнять, то не показывает этого. Вот она уже стоит вместе со всеми на асфальте и машет. Я вижу улыбку Амико и слезы у нее на глазах. Вижу Саманту, ей 20. Широкая улыбка не скрывает ее страха перед грядущим. Тут автобус с шипением и свистом трогается, и мы уезжаем.

Я сижу на кушетке, покрытой кожзаменителем, в здании 254 в 30 минутах езды от «дворца Саддама» и жду облачения в скафандр. На плоском экране в углу идет дурацкое русское телешоу, на которое никто из нас не обращает внимания. Нам приготовили еду: холодную курятину, пирожки с мясом, сок и чай – и, хотя сам я выбрал бы другое для последней земной трапезы на год вперед, я съедаю немного.

Первым в соседнюю комнату вызывают Геннадия: раздеться, надеть памперс, датчики сердечной деятельности и свежий комплект белого белья с длинными рукавами и штанинами (оно будет впитывать пот и защищать нас от соприкосновения с резиной скафандра «Сокол»). Когда Геннадий возвращается, за памперсом отправляется Миша. Следом я. Всякий раз, проделывая это, я даю себе зарок, что никогда больше не окажусь в памперсе, разве что в глубокой старости. Теперь пора надевать скафандры. Нам помогают русские специалисты в белых костюмах и хирургических масках. Они умело запечатывают отверстия в наших скафандрах, заложив края в складки и закрепив смешными резиновыми

лентами.

Мы втроем идем в другую комнату, разгороженную стеклом. За перегородкой сидят рядами наши близкие, руководители Российского космического агентства (Роскосмоса), верхушка НАСА и представители СМИ. По ощущениям это напоминает пресс-конференцию в НАСА, и тем не менее в этот момент я неизменно чувствую себя гориллой в зоопарке.

Я моментально выхватываю взглядом Амико, Марка и дочерей в первом ряду. Амико и девочки здесь уже несколько дней, а Марк только что прибыл. Все они улыбаются и машут мне. Не в первый раз я чувствую признательность к брату за то, что он рядом с ними. Будучи опытным астронавтом и зная меня, как никто, он лучше всех объяснит им, что происходит, и поддержит, если понадобится.

Амико счастливо улыбается и указывает на кулон, который я подарил ей перед отъездом из Хьюстона, – серебряную реплику эмблемы экспедиции «Год в космосе». У Саманты и Шарлотт тоже серебряные кулоны. Я привезу такие же, только из золота с сапфирами, и вручу всем троим, когда вернусь. Счастливая улыбка Амико искренна, но я так хорошо ее знаю, что замечаю усталость, и дело не только в смене часовых поясов. Амико второй раз вместе со мной переживает процесс подготовки к долгосрочному полету и знает, чего ждать. Она тоже работает в НАСА, в отделе по связям с общественностью, и лучше большинства спутниц жизни астронавтов осведомлена, с чем я столкнусь в полете. Иногда это будет ее поддерживать, но чаще – в том числе сегодня – ей было бы проще, знай она меньше.

Мы с Амико давно знакомы. Она работала в тесном сотрудничестве с моим братом и имеет много общих друзей с моей бывшей женой Лесли. В начале 2009 г. мы с Амико оба развелись, не зная о разводе друг друга, а много месяцев спустя несколько раз случайно пересеклись. По словам Амико, на одной из вечеринок ее впечатлило, что я, шутливо признав ее красоту, все-таки отказался завалиться в джакузи вместе с ней и другими гостями и отправился пораньше лечь спать, ведь завтра рано утром у меня намечалась тренировка. Через несколько недель я снова повстречал ее на вечеринке и на сей раз не отказался от джакузи в ее компании. Мы проговорили с ней весь вечер, но событий я не форсировал, что снова произвело на нее впечатление. Любой, кто видел Амико, знает, что мужчины одолевают ее вниманием, и я, видимо, выделялся тем, что проявил интерес к ее личности. Однако я не идиот и не забыл в тот вечер взять ее номер телефона.

Мне всегда было интересно, как люди находят свое дело в жизни, особенно если они в нем так же хороши, как Амико. Меня поразило, как она отличается от многих сотрудников пресс-службы НАСА, подчас склонных к консерватизму и неприятию перемен. Я спросил, как она нашла свою дорогу, и ее рассказ, пусть и весьма краткий, очень меня тронул. В 15 лет, взбунтовавшись против материнских побоев, она оказалась выброшенной на улицу, в 18 вышла замуж, а в 23, уже будучи матерью двоих детей, устроилась на работу в секретариат НАСА. С этого момента она билась за то, чтобы попасть в очень востребованную программу переподготовки персонала, в рамках которой агентство оплачивает многообещающим сотрудникам обучение в колледже. Пройдя отбор, Амико получала в каждом семестре максимальный балл, работая полный рабочий день с двумя маленькими сыновьями на руках, и получила диплом специалиста по коммуникациям с великолепным итоговым результатом и всеми наградами, доступными выпускнику. Я уже знал, какая она талантливая умница, но чем больше знакомился с историей ее жизни, тем больше ее уважал. Два ее сына, на тот момент старшеклассники, хорошо учились, а она продолжала свой путь к новым вершинам. Немногие справились бы с трудностями, выпавшими на ее долю, но ум, выдержка и самоотверженность позволили Амико построить жизнь, о которой она мечтала. Я сомневался, что она с готовностью откажется от этой жизни ради мужчины, хоть бы и астронавта во всем блеске обаяния.

Той осенью мы начали встречаться, и к октябрю 2010-го, когда я полетел в космос, наши отношения стали серьезными. То были моя первая долгосрочная экспедиция на Международную космическую станцию и ее первая миссия в качестве подруги, оставшейся на Земле, – серьезнейшая проверка на прочность для недавней связи. К нашему обоюдному удивлению, разлука лишь сблизила нас. Я мог положиться на нее как на своего партнера на Земле, и мы с удовольствием пользовались возможностью уделить друг другу внимание, около часа в день разговаривая по телефону. Я вернулся в полной уверенности, что мы созданы друг для друга. Знаю, что некоторые друзья удивляются, почему мы не поженились, ведь мы вместе уже пять с половиной лет, бо?льшую часть которых живем одной семьей. Я всегда готов помочь ее сыновьям, она – моим дочерям. Мы преданы друг другу, как любые супруги, но, поскольку оба не особенно привержены традициям и уже побывали в браке, не видим смысла проходить эту процедуру вновь. В СМИ Амико иногда называют моим «давним партнером», и нас обоих это устраивает.

Рядом с Амико сидит Саманта. Я удивился ее новому облику, когда она появилась на Байконуре с длинными кудрями, выкрашенными в черный цвет, с

густо подведенными черным глазами, темно-красной губной помадой и в черном с головы до ног. После того как мы с ее матерью развелись, наши отношения с Самантой переживали нелегкие времена и до сих пор не безоблачны. Ей было 15, когда Лесли, вопреки моему желанию, увезла девочек из Хьюстона в Вирджиния-Бич, – особенно трудный возраст для подобных перипетий. Саманта винит меня в разводе и во многих проблемах, последовавших за ним. Сегодня, глядя на нее сквозь стекло, всматриваясь в ее голубые глаза, мерцающие под густой подводкой, я вспоминаю, как она выглядела в 1994-м, когда я впервые ее увидел в родильной палате госпиталя на базе ВМС «Патаксент-Ривер», где служил летчиком-испытателем. У Лесли были долгие тяжелые роды, и, чтобы Саманта наконец появилась на свет, пришлось экстренно делать кесарево сечение. Впервые заглянув в ее крохотное розовое личико – один глаз прищурен, другой открыт, – я испытал неодолимую потребность ее защитить. Сейчас она взрослая, но я чувствую то же самое.

Шарлотт родилась, когда Саманте почти исполнилось девять, при такой разнице в возрасте им легко ладить. Саманте явно нравится, что рядом обожающая ее союзница, а Шарлотт имеет возможность отправиться в любое место, куда старшая сестра захочет ее взять, – включая Байконур. Ее появление на свет было еще более трудным, я находился рядом в операционной и до сих пор помню, как врач выкрикивает экстренный код, обозначающий угрозу гибели матери и ребенка. Когда Шарлотт, наконец, вызволили, она была безжизненной и ни на что не реагировала. Никогда не забуду крохотную серую безвольную ручонку, показавшуюся из хирургического разреза. Врачи предупредили, что у нее может быть церебральный паралич, но она выросла здоровой, яркой, сильной и великодушной. Я знаю, что сегодня она должна испытывать бурю эмоций, но она выглядит счастливой и спокойной, сидя рядом с сестрой, отводя от лица светло-каштановую челку и улыбаясь мне. Я благодарен Амико за то, что мои дочери могут на нее опереться и под ее руководством пройти все испытания этой недели.

Я замечаю Спэнки – Майка Финка, друга и коллегу по отряду подготовки астронавтов, отвечавшего за содействие моей семье, пока я находился в карантине. Между полетами астронавты выполняют различные задания на Земле, и Спэнки, который сам летал на МКС и, вероятно, полетит снова, старательно заботился о моих близких: отвечал на вопросы, выполнял просьбы, при любой возможности сообщал об их желаниях НАСА. Спэнки во второй раз оказывает мне эту услугу.

По нашу сторону стекла стоят макеты кресел «Союза» в натуральную величину, в которые мы, Геннадий, Миша и я, один за другим укладываемся на спину. Техники проверяют наши скафандры на герметичность. Я лежу так 15 минут: гермошлем закрыт, колени прижаты к груди, а вокруг большая комната, полная людей, частью незнакомых, наблюдающих с вежливым вниманием. Понятия не имею, почему мы должны проделывать это перед зрителями – очередной ритуал. После мы садимся в ряд на стулья перед стеклянной перегородкой, чтобы в последний раз пообщаться с семьями с помощью микрофонов.

Что мы хотели бы сказать любимым, возможно, в шаге от гибели в огненном шаре над Казахстаном? Совсем не то, что станешь говорить перед несколькими рядами журналистов из разных стран, ловящих и записывающих каждое твое слово. Нелепость ситуации дополняет то, что у нас общая аудиосистема, и каждой семье приходится ждать своей очереди, иначе все перекрикивали бы друг друга. Однако я не хочу, чтобы моим дочерям запомнился отец, цедящий в микрофон банальности, и ищу золотую середину – стараюсь, сказав немного, многое донести иными способами. Самый простой жест может быть красноречив. Я подаю Амико и девочкам знак, указывая на свои глаза, а затем на них. Они улыбаются в ответ. Он означает: «Я слежу за вами».

Ритуал завершен, и мы выходим наружу, в темень и пронизывающий холод. Ослепленные прожекторами, мы идем на стоянку в окружении журналистов и зрителей, которых едва различаем. Скафандры «Сокол» рассчитаны на нахождение в позе эмбриона в запускаемом «Союзе», а не на пешую прогулку, и мы бредем, как троица горбатых пингвинов, изо всех сил стараясь выглядеть достойно. Мы несем вентиляторы системы охлаждения, нагнетающие воздух в скафандры, как астронавты «Аполлонов» на старых съемках НАСА. На каждом две пары тонких белых перчаток, чтобы мы не увезли в космос микробы (во всяком случае, таков замысел). Верхние мы снимем непосредственно перед посадкой в «Союз».

Автобус, который отвезет нас к стартовому комплексу, ожидает поблизости, подсвеченный прожекторами в клубах выхлопного газа. Мы расходимся по трем маленьким белым квадратам на асфальте, подписанным согласно должности: «командир корабля» – для Геннадия, «бортинженер» – для Миши, «бортинженер-2» – это мой. Мы стоим на своих квадратиках и ждем, когда глава Российского космического агентства в очередной раз спросит каждого из нас по очереди, готовы ли мы к полету. Это напоминает бракосочетание, с той разницей, что на любой вопрос отвечаешь не «Да, согласен», а «К полету готов». Уверен, что

русским показались бы столь же странными американские ритуалы. Перед стартом шаттла мы должны были облачиться в оранжевые скафандры для пуска и посадки, собраться вокруг стола в монтажно-испытательном корпусе и сыграть в своеобразную версию покера-лоуболла. Мы не вышли бы на стартовый стол, пока командир не проиграет раунд (взяв самую старшую комбинацию) и не истратит свое невезение на сегодняшний день. Никто не знает, откуда пошла эта традиция. Вероятно, какой-то экипаж, проделавший это впервые, вернулся живым, и с тех пор все остальные должны были следовать его примеру.

Мы садимся в автобус: основной экипаж, наши врачи, руководители Центра подготовки космонавтов им. Гагарина и несколько техников, отвечающих за скафандры. Садимся у борта, обращенного ко всем прожекторам и галдящим людям. Я бросаю последний взгляд на семью и машу ей на прощанье. Автобус медленно трогается, и они остаются позади.

Вскоре мы в пути, покачивание автобуса вгоняет нас в медитативное состояние. Через некоторое время автобус замедляется и останавливается довольно далеко от стартового стола. Мы киваем друг другу, выходим и выстраиваемся. Все уже разворошили конструкцию из резиновых лент, столь тщательно публично проверенную на герметичность всего час назад. Я располагаюсь перед правым задним колесом и копаюсь в своем «Соколе». На самом деле мне не хочется отлить, но такова традиция: на пути к стартовому столу перед своим эпохальным полетом Юрий Гагарин попросил разрешения облегчиться – в этом самом месте – и оросил правую заднюю шину автобуса. После этого он полетел в космос и вернулся живым, так что теперь все мы должны делать то же самое. Традиция соблюдается столь свято, что женщины – члены экипажа берут с собой бутылочку мочи или воды, чтобы опрыскать колесо, не выбираясь из скафандра.

Благополучно исполнив ритуал, мы возвращаемся в автобус, и последний переезд возобновляется. Через несколько минут автобус останавливается, чтобы пропустить железнодорожный состав, только что заправивший нашу ракету. Дверь автобуса открывается, и появляется неожиданное лицо – мой брат.

Это нарушение карантина: брат, еще вчера побывавший во множестве кишащих микробами мест – от Соединенных Штатов до Москвы и Байконура, – может быть переносчиком всевозможных ужасных заболеваний. Доктор Нет всю неделю твердит «нет» и вдруг видит моего брата и говорит «да». Русские непреклонно соблюдают карантин, но разрешают моему брату нарушить его из сентиментальных соображений, проводят ритуал герметизации скафандров и

позволяют нам открыть их, чтобы помочиться на колесо. Временами их непоследовательность сводит меня с ума, но этот подарок – возможность увидеться с братом, когда я меньше всего этого ожидаю, – очень много для меня значит. Мы с Марком почти не разговариваем, сидя бок о бок несколько минут до выхода на стартовый стол, – двое мальчишек из рабочего пригорода в Нью-Джерси, забравшихся так далеко от дома.

Глава 2

Мои самые ранние воспоминания – это теплые летние ночи, когда мать пыталась убаюкать нас с Марком в доме на Митчелл-стрит в Уэст-Ориндже. На дворе еще светло, в раскрытые окна проникает аромат жимолости и звуки с соседних участков: возгласы старших детей, шмяканье баскетбольных мячей о подъездные дорожки, шелест ветерка в вершинах деревьев, отдаленный шум автомобилей. Я помню чувство невесомого парения где-то на стыке лета и сна.

Мы с братом родились в 1964 г. Все члены нашей многочисленной семьи со стороны отца – тетушки, дядья, двоюродные братья и сестры – жили неподалеку. Городок был разделен холмом. Более благополучные обитали на холме, а мы под холмом, хотя далеко не сразу узнали, что это значит в социально-экономическом отношении. Однажды мы с братом – совсем малыши, лет двух, – проснулись ранним утром. Родители спали, мы были предоставлены сами себе. Заскучав, мы сумели открыть заднюю дверь и ушли из дома исследовать мир. Мы добрались до автозаправки и играли в луже смазки, пока нас не обнаружил владелец. Он знал нас и вернул домой, не разбудив родителей. Проснувшись наконец и спустившись на первый этаж, мама с изумлением увидела, что мы перепачканы автомобильной смазкой. Позже владелец заправки рассказал ей, что случилось.

Однажды во второй половине дня, когда мы с братом были детсадовцами, мать наклонилась к нам, демонстрируя белый конверт с таким видом, словно это поощрительный приз, и сказала, что у нее для нас есть важное поручение. Мы должны опустить письмо в почтовый ящик прямо напротив нашего дома, через дорогу. Переходить проезжую часть посередине улицы опасно, можно угодить под машину, объяснила она, поэтому нужно дойти до угла, перейти там, вернуться по той стороне улицы, отправить письмо и проделать путь в обратном

направлении. Мы заверили ее, что все поняли. Дошли до угла, посмотрели в обе стороны и перешли через дорогу. Прошли в направлении нашего дома до почтового ящика по другой стороне, Марк приподнял меня, чтобы можно было дотянуться до тугой синей ручки, и я гордо опустил письмо в щель. Затем мы пустились в обратный путь.

– Не буду я столько идти до угла, – заявил Марк. – Перейду улицу прямо тут.

– Мама сказала, чтобы мы переходили на углу, – напомнил я. – Тебя машина собьет.

Марк уперся.

Я в одиночку пустился в обратный путь, довольный, что меня похвалят за следование инструкциям. (Теперь я понимаю, что следование инструкциям, которые кажутся бессмысленными, – прекрасное начало подготовки астронавта.) Я добрался до угла, перешел через улицу и повернул к дому. В следующий миг я услышал визг тормозов и звук удара и краем глаза уловил, как нечто, размером и формой с ребенка, подлетает в воздух. Еще мгновение, и ошеломленный Марк сидит посреди улицы, а перепуганный водитель хлопочет над ним. Кто-то побежал к нашей матери, примчалась скорая, его увезли в больницу, а я провел остаток дня с дядей Джо, размышляя о выборе, который сделали мы с Марком, и о том, к каким разным результатам это привело.

Детство шло, и мы продолжали совершать безумно рискованные поступки. Оба получали травмы. Обоим накладывали швы так часто, что иногда врач в один заход снимал предыдущий и делал новый, но только Марк удостаивался госпитализации. Я всегда завидовал вниманию, которое он получал, пока лежал в больнице. Марка сбила машина, Марк сломал руку, когда скатывался по перилам, у Марка был аппендицит, Марк наступил на осколки разбитой бутыли с червями и получил заражение крови, Марка возили в большой город на серию анализов, чтобы узнать, нет ли у него рака (рака не было). Мы оба вовсю играли с пневматическим оружием, но только Марк заработал пулю в ногу, а затем осложнение из-за неудачной операции.

Когда нам было около пяти лет, родители купили летний домик на побережье Нью-Джерси, с которым связана часть моих лучших детских воспоминаний. Это была хибарка без отопления, но нам нравилось туда ездить. Родители

поднимали нас среди ночи, когда отец возвращался с работы, и перекладывали, в пижамах и с одеялами, на заднее сиденье семейного универсала, где мы снова засыпали. Движение автомобиля убаюкивало, за окном тянулись телефонные провода и проплывали звезды.

Утром на побережье мы с Марком ехали на велосипедах в шлюпочную мастерскую «У Уитни» купить приманку для ловли крабов и весь день просиживали на мостках за нашим домиком в ожидании, когда краб возьмет наживку. Мы строили плоты из досок, оставшихся от изгороди, и отправлялись в плавание от дома у лагуны возле входа в залив Барнегат. У нас была свобода, которой никогда не имели мои собственные дети. Помню, как я свалился с мостков, не успев научиться плавать, и ушел в темную мутную воду лагуны. Я не знал, что делать, и просто наблюдал за пузырьками, уносящими ввысь остатки воздуха из моих легких. Тут отец, заметивший мою белую макушку под самой поверхностью воды, схватил меня и вытащил.

Отец был алкоголиком, и у него иногда случались долгие запои. Однажды, когда мы проводили выходные на побережье, он исчез, оставив нас троих без еды и без цента. На нашей единственной машине он уехал в бар, но нам каким-то образом удалось туда добраться и найти отца. Это было задрипанное местечко в заболоченной низине, окружающей залив Барнегат. Его покрытые коричневой пропиткой стены выбелил соленый воздух. Отец отказался дать денег или уехать с нами. Помню, с каким лицом мать выводила нас оттуда. Она была убита, но на лице читалась решимость. В те выходные мы не ели, и я никогда не забуду, что это такое. И по сей день у меня сжимается сердце, когда я слышу о людях, которым не хватает на еду. Физическое чувство голода было ужасным, но отчаяние от того, что не знаешь, когда это кончится, оказалось еще хуже.

Когда мы с Марком были во втором классе, родители продали участок на побережье, чтобы купить дом «на холме». Они хотели, чтобы я и Марк ходили в школу получше. Мы переехали на улицу, обсаженную гигантскими зелеными дубами. Называлась она, естественно, Гринвуд-авеню («Лиственная»). Как она благоухала по весне, когда деревья покрывались молодой листвой, а кусты азалии становились розовыми и пурпурными от цветов! Удивительно, но после переезда мы практически перестали видеться с родственниками с Митчелл-стрит. Отец часто ссорился с друзьями и близкими и, возможно, порвал все отношения с родней еще до переезда.

Теперь мы жили на холме, но в социально-экономическом отношении оставались «под холмом», подобно персонажам телесериала о подростках из Беверли-Хиллз. Мы явно отличались от соседей – богатых еврейских семей. Я и брат то и дело задирали соседских детей: обстрелы снежками, камнями, падалицей с яблонь. Мы швыряли эти боеприпасы и во взрослых. Правда, вскоре обнаружилось, что немолодой дядька из соседнего дома запускает их в ответ очень крепкой рукой. Мы вели себя как малолетние правонарушители, вечно избегающие ареста, возможно, потому, что были детьми полицейского.

Летом отец с приятелями-копами устраивали барбекю в парке поблизости. Это было весело – по крайней мере, в начале, – мы ели хот-доги и играли в софтбол. Но день шел своим чередом, куча пустых бутылок и банок из-под пива становилась все выше, и, когда 20 упившихся копов начинали выяснять отношения, было уже не до веселья. В конце концов пьяный до полусмерти отец заталкивал нас в машину и ехал вниз по Плезант-Вэлли-уэй, то и дело выезжая на встречную полосу, а мы кричали ему, чтобы не разбил машину.

Иногда сослуживцы отца приходили к нам домой на вечеринку и, перебрав, хватались за пистолеты. Однажды отец решил продемонстрировать напарнику новую пушку, выбрав в качестве мишени деревянную статуэтку, которую я только что сделал на уроках в школе. Я принес ее домой, с гордостью показал родителям и был просто раздавлен мыслью, что папа наделает дыр в моем шедевре.

Мы с Марком ночевали раз в неделю у любимых дедушки и бабушки со стороны отца, чтобы наши родители могли сходить куда-нибудь выпить. Бабушка Хелен, крупная дама, безупречно одевалась и носила неизменный парик. Она была очень рада, что мы приходим каждые выходные, всегда добра и заботлива, разрешала смотреть по телевизору то, что нам нравилось, и пела колыбельные. Дедушка во Вторую мировую войну служил на эскадренном миноносце на Тихом океане, и меня удивляло, что после такого яркого этапа биографии он вернулся домой и всю оставшуюся жизнь проработал на матрасной фабрике. Но он был всем доволен, отличался удивительным чувством юмора и обеспечил хорошую жизнь себе и семье, хотя окончил только шесть классов. По утрам дедушка и бабушка всегда водили нас завтракать в одну и ту же закусочную. Потом мы часами бродили по цветочным садам, окружающим исторические здания на севере Нью-Джерси. Я полюбил цветы, и это пригодилось во время годичного пребывания в космосе, когда я выполнял эксперимент по выращиванию цинний и сумел спасти едва не погибшие растения. Не меньше, чем завтрак и цветы, я

любил заведенный порядок – одни и те же действия в одной и той же последовательности, – стабильность жизни с родителями отца.

Нам с братом было лет девять или десять, когда родители решили, что нам уже не нужна ничья забота, пока они сидят в баре. Они возвращались глубокой ночью, пьяные и ругающиеся. У детей крепкий сон, и звуки проникали в мои сны: выкрики и удары, сначала тихие, может быть почудившиеся. Однако постепенно скандал нарастал, мы с Марком, проснувшись, вглядывались в темноту и с замиранием сердца прислушивались к воплям, вскрикам и грохоту вещей, швыряемых о стены.

Бывало, мать из страха перед отцом убегала с нами из дома. Мы бежали несколько миль до дома бабушки и дедушки, барабанили в дверь и, разбудив их среди ночи, просили нас приютить. В итоге мы всегда возвращались домой на следующий день. Помню эти утра: мы приближаемся к дому с чувством, что все, возможно, было дурным сном, но видим осколки разбитых вещей на полу. Иногда мы с братом принимались чинить их – тарелки, мебель, безделушки – в надежде, что, склеив разбитое, сумеем каким-то образом справиться с самой проблемой. Пустые надежды!

Подростком я пытался положить конец насилию между родителями. Я никогда воочию не видел, как отец бьет мать, но иногда замечал у нее синяки. Однажды ночью в разгар очередной ссоры я вошел в гостиную и увидел пьяного отца, сующего ствол себе в рот и грозящего покончить с собой. Брат тоже прибежал, и мы вдвоем уговорили его положить пушку. Удивительно, что он пережил те годы.

Иногда я думаю, что мой отец, не пойди он в полицейские, стал бы преступником. Он любил рассказывать, как он, еще молодой коп, приехал глубокой ночью на ложное срабатывание сигнализации в магазин автопокрышек. Более опытный напарник открыл багажник полицейской машины, достал запаску и разбил ею окно магазина. Они заполнили машину новыми покрышками, доехали до дома напарника, где вывалили добычу на газон, и вернулись за следующей партией. Позвонили сослуживцам, занятым на дежурстве, чтобы и те могли помародерствовать, и, наконец, вызвали владельца: «Ваш магазин ограбили».

Несмотря на поведение отца, ребенком я уважал и даже, можно сказать, боготворил его. Какими бы плохими ни были иногда ваши родители, других не

будет. Трезвым мой отец был импозантным и обаятельным, а мне казался кем-то вроде детектива из телесериала – выдающейся личностью, грозой плохих парней и защитником справедливости. В те времена я не понимал, что он обычный работяга, который тянет лямку всю неделю, чтобы заработать на выходные, и весь год, чтобы выслужить пенсию. Бывают люди, которые нуждаются в конфликтах, жаждут их и создают, где бы ни появились. Я слышал, что дети конфликтных людей растут в стремлении обрести эмоциональный контроль, отсутствовавший у родителей, и даже что у драчунов вырастают миротворцы.

Мои родители несколько раз покупали лодки, всегда в плачевном состоянии. Мы уходили на них в Атлантический океан, далеко за горизонт, в любую погоду, иногда в непроглядный туман, не имея никаких навигационных приборов, кроме компаса, и без исправного радио. Мы рыбачили весь день, а когда понимали, что пора возвращаться, держались за зафрахтованными рыбацкими лодками, идущими назад в бухту. Если мы теряли их из виду из-за того, что они двигались несравнимо быстрее, то устремлялись на запад и шли вверх или вниз вдоль побережья в поисках знакомой приметы. Часто изношенный мотор ломался, и мы дрейфовали, пока не удавалось остановить другую лодку, с радиостанцией, и связаться с Береговой службой, чтобы нас взяли на буксир. Случалось набирать воды с риском утонуть. Всякий раз мы возвращались домой, поздравляя друг друга со спасением и мечтая пуститься в море при первой возможности. У нас и мысли не возникало отказаться от этого риска, потому что мы всегда выходили сухими из воды и приобретали опыт.

Когда мне было около 11 лет, мать решила стать полицейским. Пока мы были маленькими, она временами подрабатывала поварихой или нянькой, потом пошла в секретарши, но эта работа приносила слишком мало удовлетворения и денег. Теперь ей захотелось сделать карьеру. Местное отделение полиции, как и многие учреждения в 1970-е, объявило о вступительных экзаменах для женщин. Многим полицейским-мужчинам не понравилась бы мысль, что и жена может стать сотрудником полиции, но не моему отцу. К его чести, он поддержал маму.

Подготовка к экзамену для поступающих на государственную службу требовала времени и усилий. Сдав экзамен, мать должна была пройти тест на физическое соответствие. Нормативы были те же, что и у мужчин, – огромная трудность для миниатюрной женщины. Отец устроил полосу препятствий на заднем дворе, где она каждый день тренировалась: бегала вокруг врытых в землю конусов с

нагрузкой в виде ящика для инструментов, набитого утяжелителями, таскала меня через двор (вместо манекена, которого придется тащить на настоящем экзамене).

Самым сложным препятствием была стенка 2,3 м высотой. Зная об этом, отец соорудил тренировочную стену немного выше. Сначала матери не удавалось даже коснуться ее верха. Прошло много времени, прежде чем она смогла, подпрыгнув, за него ухватиться. Постепенно она научилась подтягиваться, перебрасывать через стену ноги и, отрабатывая этот прием на ежедневных тренировках, стала брать стену с первой попытки. В день экзамена она справилась со стеной лучше большинства мужчин. Она стала одной из немногих женщин, сдавших тест, что произвело на нас с Марком огромное впечатление: мать поставила себе цель, казавшуюся недостижимой, и добилась ее благодаря собственной решимости и поддержке близких. Я до сих пор не нашел для себя цели, к которой стремился бы с такой же страстью, но, по крайней мере, знаю, что это такое.

Мои воспоминания о школе сводятся к тому, что я сидел в классе, словно в ловушке, одуревший от скуки, и думал только о том, как выбраться. Практически все 12 классов я игнорировал учителей и грезил наяву. Я не представлял, кем хочу стать, знал только, что это будет нечто исключительное и уж точно не имеющее ничего общего с историей, английским языком или алгеброй. Ни на одном предмете я не мог сосредоточиться. В семь лет я читал намного хуже, чем положено, и родители попросили бабушку с материнской стороны, коррекционного педагога, подтянуть меня. Позанимавшись со мной несколько дней, она сдалась и объявила меня безнадежным.

Сейчас такому ребенку наверняка поставили бы диагноз «синдром дефицита внимания и гиперактивность». В те времена я был просто плохим учеником. Я научился худо-бедно выезжать на врожденной смекалке, хотя никогда не делал уроков. Брат вспоминает день в старших классах, когда отец объявил, что устроит нас в профсоюз сварщиков, когда мы вырастем. Рабочая профессия для нас самое лучшее, раз мы так плохо учимся. Марк усвоил, что если он хочет от жизни чего-то более увлекательного или прибыльного, чем сварка, то нужно улучшить оценки, и с того самого дня буквально впрягся в учебу. Я не помню этого разговора – видимо, прослушал его, глазея в окно на белку.

Директор школы Джерри Тарнофф уговаривал меня не бросать курс тригонометрии: я же способный парень, нужно только сосредоточиться.

Невыполнимая задача – сосредоточиться на этом предмете, да и на всех остальных! Его слова были для меня пустым звуком. Я бросил тригонометрию. Всякий раз после этого, замечая его в коридорах школы, я старался не попадаться ему на глаза. Я сам удивился, как стыжусь, что не оправдал его ожиданий. Сам директор не поставил на мне крест. Спустя годы он приезжал на оба мои старта на шаттле. Думаю, для него было важно, что оправдалась его вера хотя бы в одного ученика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/din_skott/stoykost-moy-god-v-kosmose

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити